

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.185

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (1880–1941 ГГ.)

И.А. Казанцева, С.П. Бельчевичен, И.И. Лысюк

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Эволюция историософского мировоззрения Д.С. Мережковского тесно связана со становлением его религиозно-философского учения. Под влиянием идей Ф. Ницше в начале XX столетия русский мыслитель развивает концепцию о борьбе языческого и христианского как начал мировой истории и культуры. В то же время Мережковский рассматривает проблему взаимосвязи России и Запада. Он полагает, что в Европе сложилось основанное на идеях прагматизма «дисциплинарное общество», которое мешает человеку реализовать свое право на творчество и индивидуальность. При этом особую роль играет русская «религиозная общественность», призванная победить Грядущего Хама. В период эмиграции 1920–1941 гг. Д.С. Мережковский ищет истоки раннего христианства в истории древних цивилизаций. Под влиянием западной традиции русский мыслитель предлагает экзистенциальное прочтение мировой истории.

Ключевые слова: русская религиозная философия, историософия, Россия, Запад, новое религиозное сознание, экзистенциализм.

Проблемы исторического развития всегда находились в фокусе внимания известного русского религиозного мыслителя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941). С самого начала своей творческой карьеры он обращается к актуальным проблемам историософии, пытаясь создать достоверную схему исторического процесса, размышляя о его единстве и смысловой направленности. Историософское мировоззрение Д.С. Мережковского шло параллельно с его общефилософским мировоззрением и отразило основные вехи творческой эволюции русского философа. Как справедливо отмечает российский исследователь В.А. Кувакин, в наследии Д.С. Мережковского можно выделить «историософские утверждения трех уровней: наиболее масштабные, относящиеся к философии истории, среднего уровня, касающиеся прежде всего проблемы Восток (Россия) – Запад (Европа), и, наконец, многочисленные варианты философии истории России» [2, с. 88].

Первоначально Д.С. Мережковский обращается к наследию позитивистов и русских народников. Русский мыслитель солидарен с учением Г. Спенсера и Н.К. Михайловского о критериях прогресса и роли индивидуального начала в историческом процессе [7, с. 198–201], однако увлечение позитивизмом оказалось недолгим, и в начале 90-х гг. XIX столетия

© Казанцева И.А., Бельчевичен С.П., Лысюк И.И., 2025

Д.С. Мережковский обращается к историософским идеям Ф. Ницше и Вл. Соловьёва. Вклад немецкого философа в историософскую проблематику весьма значителен. Решая проблему о поступательном развитии и направленности исторического процесса, Ф. Ницше приходит к выводу об отсутствии единства человечества, закономерностей исторического развития: «Человечество не представляет собой развития к лучшему или сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. Прогресс есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея» [8, т. 2, с. 634]. Ф. Ницше утверждает, что современный европеец уже не способен творить культуру будущего и страдает «ослаблением личности». Кризис современной ему европейской цивилизации немецкий философ видит в подавлении инстинктов «воли к жизни» исторической действительностью и иудео-христианской традицией, которая, создавая новые нравственные нормы, лишает человека свободы культурного творчества. Ф. Ницше говорит не только о несостоятельности провозглашенных гуманистических ценностей, но и о возможной гибели западной цивилизации. Выход из сложившейся ситуации немецкий теоретик видит во взращивании новой личности, которая способна преодолеть массовые стереотипы и регламентации, отвергнуть прошлое и творить будущее, ибо «историю могут вынести только сильные личности, слабых она совершенно подавляет» [8, т. 1, с. 187]. Захваченный нигилистическим призывом к переоценке ценностей Д.С. Мережковский создает работы, в которых акцентируется внимание на исторических личностях, способных к созданию новых культурных ценностей. Ему импонирует ницшеанское генеалогическое понимание истории в ее критическом измерении. Это рельефно прослеживается в работах 90-х гг. XIX и начала XX вв. В статье «Акрополь» Д.С. Мережковский делится своими впечатлениями о путешествии в Италию и Грецию, где он воочию соприкоснулся с великим наследием античности. Особенно сильное впечатление на Д.С. Мережковского произвел Парфенон, творение Иктина, Калликрата и Фидия. Храм, в понимании Д.С. Мережковского, стал воплощением могущества человека, демонстрируя единство человеческого и природного, гармонии этих начал. Разделяя положение Ницше о сверхчеловеческом измерении истории, Д.С. Мережковский пишет: «Творчество художника было высшим подвигом, и подвиг героя – высшею ступенью красоты. Это – два откровения одного начала. Единое в единой душе человека. Неужели нам нет спасения, и противоречия нашего ума и сердца неразрешимы. Неужели не суждено людям повторить того, что здесь было, и никогда новый Парфенон не будет создан новым эллином, богоподобным человеком на земле» [3, с. 24]. В то же самое время Д.С. Мережковский обращается к наследию Владимира Соловьёва. Конструкция исторического развития, предлагаемая русским религиозным автором, предполагает его смысловую заданность, через ряд природных и исторических этапов человечество движется к своему неизбежному финалу – Богочеловечеству. Царство Божие, соединяющее человека и Бога, открывается не сразу, а через стадии развития бытия: неорганическую,

растительную, животную, природно-человеческую – и фиксируется в точке духовного единения двух начал: божественного и человеческого.

Противоречия, свойственные историософским исканиям Д.С. Мережковского, наиболее ярко проявились в его исторической трилогии «Христос и Антихрист» (1895–1905), где русский философ предлагает оригинальную версию мировой философии истории в ее глобальном звучании, сфокусировав внимание на «языческих» и «христианских» началах мировой истории. Свою историософскую схему Д.С. Мережковский выстраивает, опираясь на антропологию отдельного индивида. Природа человека связана с наличием в ней «языческого» и «христианского». Под «языческим» началом философ понимает проявление основ человеческой природы: чувственности, рациональности, самодостаточности. «Христианское» начало подчеркивает в природе человека не материальное, а именно духовное: стремление к творчеству, веру в идеальное, божественное. Оба этих начала находятся в непрестанном противостоянии и «выплескиваются» на арену мировой истории, что порождает различные культурно-исторические формы, ценности и идеи. Победа одного из начал является своеобразным катализатором формирования новой культуры и глобальных изменений в историческом процессе.

Искания Д.С. Мережковского наиболее ярко проявляются в первой части трилогии «Смерть Богов: Юлиан Отступник» (1895). Русский автор создает произведение, насыщенное античной и религиозной символикой, призванной придать роману дополнительную смысловую нагрузку. В небольшом городке Марцеллум проходят детские годы Юлиана и его брата Галла. Они являются прямыми наследниками римского престола, но власть захватывает их дядя Констанций. Если Галл смирился со своей судьбой, то Юлиан готов бороться за свою жизнь и престол до конца. Посланный Констанцием на верную гибель на усмирение германских племен, он не только побеждает их, но и, реализуя «волю к власти», становится императором огромного государства. Юлиан в интерпретации русского философа воплощает именно ницшеанское языческое начало, поэтому после его победы возвращаются античные философские школы, укрепляется неоплатоническая философия. Следуя идеалам свободной смерти, Юлиан погибает на поле брани, признавая враждебную ему христианскую правду, однако победа христианства не является окончательной и бесповоротной, античные Боги скоро воскреснут.

Вторая часть трилогии так и называется: «Воскресшие Боги: Леонардо да Винчи» (1901). В ней русский мыслитель разворачивает свои исторические конструкции, справедливо полагая, что корпус идей этого времени тесно связан с античностью. Концепты гуманизма, антропоцентризма, рационализма формируют новый тип культуры, связанный с человеком, его телесностью и разумом. Превосходные образцы возрожденческой культуры создает великий итальянский художник Леонардо да Винчи. В толковании

Д.С. Мережковского Леонардо – новый тип ницшеанской личности, способной к созданию культурных шедевров, сочетающий в себе христианское и языческое начала. Все наследие итальянского мастера отражает неустойчивость эпохи Ренессанса, смешение языческих и христианских ценностей.

Подобным образом русский мыслитель подходит и к личности первого русского императора. Петр I воплощает в себе ницшеанское стремление к власти, способность к преодолению исторических вызовов. Строительство Санкт-Петербурга, создание Российской академии наук, основание империи, вхождение в число ведущих европейских государств – вот бесспорные заслуги первого русского императора. В то же время Д.С. Мережковский критикует русского самодержца за чрезмерную европеизацию, отказ от национальных традиций, солидаризируясь в этом вопросе с русскими славянофилами. Образ Петра иллюстрирует положение Д.С. Мережковского о том, что в исторических личностях тесно переплетаются добро и зло, стремление к созиданию и разрушению. Поворот русского писателя к религиозным ценностям подтверждается появлением в романе новых персонажей: Тихона, Иоанна, сына Громова – они ищут свою религиозную правду и проповедуют приближающейся Конец Мира и Грядущую Церковь Господа [4, т. 4, с. 284].

Период 1905–1920 годов отмечен новыми исканиями Д.С. Мережковского в сфере историософии. В этот период на его мировоззрение оказывают влияние политические события: две русских революции, гражданская война. Первоначально отношение философа к революции было положительным, он увидел в ней религиозное действие, которое может пробудить «новое религиозное сознание» и привести к установлению царства Божьего на земле. Согласно идеям Д.С. Мережковского, в этом обществе соединятся правда о духе и плоти, о земле и небе, что не смогло или не захотело создать историческое христианство. В этом обществе будет только один закон – закон Христа, и люди не смогут властвовать над людьми, однако, столкнувшись с реальной политической жизнью, «мистический революционер» кардинально поменял свои взгляды, что в конечном итоге привело его в эмиграцию.

В начале XX в. формируется новая историософская концепция: Д.С. Мережковский под влиянием западников, славянофилов, анархистов выстраивает свою концепцию о взаимодействии Запада и России. Основным партнером в этом диалоге для Д.С. Мережковского становится А.И. Герцен, который хорошо знал и чувствовал западную и русскую культуру. По мнению А.И. Герцена, в рамках западной цивилизации под влиянием капиталистических отношений складывается новый тип общества, который русский автор обозначает как «мещанство». Этот тип общества характеризуется наличием среднего класса, который формирует духовные запросы общества, вырабатывая целерациональные стереотипы и ценности общественной жизни. Д.С. Мережковский не только принимает термин «мещанство», который он использует в своих историософских построениях,

он во многом солидаризируется с позицией А.И. Герцена. Философ полагает, что на Западе рождается новый тип «дисциплинарного общества», в котором на смену гуманистическим ценностям приходят идеи, связанные с меркантильностью, положительностью, здравым смыслом и интересами «торговой конторы». В результате на Западе появляется усредненный европеец, который генерирует массовую, лишенную высших ценностей культуру. Трагедия великой европейской культуры в том, что массовые стереотипы подменяют собой личностные начала, человек теряет свою индивидуальность, поглощается обществом и не способен воспринимать ценности духовной культуры. Д.С. Мережковский чувствует приближающуюся трагедию европейского общества: «Религия современной Европы – не христианство, а мещанство. От благоразумного сытого мещанства до безумного голодного зверства один шаг. Не только человек человеку, но и народ народу – волк. От взаимного пожирания удерживает только взаимный страх, узда слишком слабая для расвирепевших зверей. Не сегодня, так завтра они бросятся друг на друга и начнется небывалая бойня» [5, с. 29–30]. Русский философ считает, что причины этого явления в отказе от христианских ценностей в пользу прагматического «позитивистского мировоззрения».

Что же происходит с талантливой личностью в рамках подобного общества, каким образом она может донести до людей свои достижения и ценности? Об этом работа Мережковского «Флобер» (1888). Философ высоко оценивает творческое наследие французского автора, который придерживался идеи о том, что «искусство выше жизни» и стремился воплотить ее в своем творчестве. Статья Д.С. Мережковского – следствие реакции на отторжение многих идей Г. Флобера современным западным обществом. Трагизм положения французского писателя в том, что «он среди чужого мира», так комментирует ситуацию Д.С. Мережковский [3, с. 56]. Русский философ подчеркивает, что общество, основанное на меркантильных интересах, лишенное духовных идеалов, в состоянии изолировать талантливую личность, лишить ее возможности свободно и полноценно творить. В грядущем Хаме он пишет: «Всё благородство культуры, уйдя из области общественной, сосредоточилось в уединенных личностях, в таких великих отшельниках, как Ницше, Ибсен, Флобер и все еще самый юный из юных – старец Гёте. Среди плоской равнины мещанства эти бездонные артезианские колодцы человеческого духа свидетельствуют о том, что под выжженной землею еще хранятся живые воды. Но нужен геологический переворот, землетрясение, чтобы подземные воды могли вырваться наружу и затопить равнину, снести муравьиные кучи, опрокинуть старые лавочки мещанской Европы. А пока – мертвая засуха. И даже великие отшельники европейского гения только что, выходя из круга личной культуры, касаются общественной, теряют свое благородство, пошлеют, мелеют, истощаются, как степные реки в песках» [5, с. 30–31].

Констатируя духовный кризис на Западе, Д.С. Мережковский обращается к русской философии истории. Исторический процесс в России развивался параллельно европейскому, но имел свою специфику. При решении этой проблемы русский философ обращается к различному спектру существующих мнений и оценок в среде славянофилов, западников, представителей позитивистской и религиозной мысли. Но все же решающую роль при формировании позиции автора сыграли историософские идеи П.Я. Чаадаева. Он был убежден в том, что именно религия является важным фактором общественного развития и придает цивилизации свои неповторимые особенности. Если на Западе католицизм способствовал социальному творчеству, то Россия, принявшая православие из Византии, сохранила особую чистоту и силу, аскетизм религии. Специфика православия, по мнению П.Я. Чаадаева, повлияла на социальное развитие России. Он полагает, что изолированность России от общеевропейских процессов, наряду с отрицательными последствиями, имеет и положительное значение, ибо она может воспользоваться ошибками Запада и продолжить свое существование, превратившись в особую цивилизацию. Д.С. Мережковский на свой лад обыгрывает идею П.Я. Чаадаева о религиозно-общественном творчестве, полагая, что соединение общественного и религиозного может воплотиться в рамках русской религиозной общественности. Н.А. Бердяев, комментируя эту идею Д.С. Мережковского, пишет: «Здесь в Мережковском есть что-то оригинальное, его собственное, есть какая-то тема» [1, ч. 1, с. 136]. Анализируя социально-политическую ситуацию в России, Д.С. Мережковский считает, что в стране появилось «дисциплинарное общество», отличное от Запада, имеющее свои специфические черты. «У этого Хама в России – три лица. Первое, настоящее, – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви. Второе лицо, прошлое, – рядом с нами... Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной. Третье лицо, будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу, – хулиганства, босачества, черной сотни – самое страшное из всех трех лиц» [5, с. 43].

Спасти Россию и Запад от духовного рабства может только «религиозная общественность», зарождающаяся в недрах русской действительности. Именно в ней соединятся три благородных начала: русский народ, русская церковь и русская интеллигенция. Д.С. Мережковский понимает, что историческая ситуация совершенно другая, поэтому из-под его пера выходит ряд статей, в которых он пытается доказать, что такой союз возможен. Анализируя становление Русской православной церкви, русский мыслитель показывает особенности ее развития на протяжении нескольких столетий, отмечая значение византийской традиции. Испытав влияние идей П.Я. Чаадаева, он утверждает, что религия играет решающую роль в процессе формирования национальных культур, этнического самосознания различных народов. Православие, сформировавшееся в России, характеризуется

автором как аскетичная, созерцательная религия, лишенная социального действия. Исправить существующее положение возможно, если Русская православная церковь обратится к общественной деятельности, обновлению и новым религиозным ценностям. Союз русского народа и интеллигенции возможен, их объединяет не только общая национальная идентичность, но стремление к «новому религиозному сознанию», апокалипсическое христианство, ответственность за будущее России, однако реализации подобных проектов Д.С. Мережковского не суждено было сбыться, в 1917 г. произошла Октябрьская революция, итогов которой он не принял.

В период эмиграции русский писатель испытывает духовный кризис. Вновь обращаясь к древней истории различных цивилизационных образований, он пытается обнаружить истоки первоначального христианства. Одной из таких работ становится роман «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924). Главная героиня произведения жрица Дио сомневается в традиционной религии, исповедуемой на Крите, связанной с поклонением Священному Быку и человеческими жертвоприношениями. Она ищет и находит свидетельства появления новой религии Отца, Сына и Матери. Главная Жрица открывает ей тайну, показывая знаки будущего: «Слезы сталактитов капали, красные от света факелов, точно кровавые, и на дне пещеры чернела вода, как лужа черной крови, а над ней висел, на белой стене сталактитов, изваянный из черного мрамора четырехконечный Крест» [6, с. 16]. В скором времени эти предзнаменования сбудутся, и в мир придет Сын Человеческий. Вторая книга дилогии – «Мессия» (1927) – также наполнена мистическими символами, пророчествами, что усиливает идею появления новой монотеистической религии и прихода Спасителя.

Важной вехой в историософских исследованиях русского философа следует признать его труд «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930). Главная задача, которую пытается решить автор, – необходимость понять ход и смысловую направленность исторического процесса. Д.С. Мережковский выделяет три больших периода в истории всего человечества. Первый период обозначается им как «преистория», когда появляется полумифологическая цивилизация атлантов, погибшая от природных катаклизмов, однако, исчезая, она смогла транслировать культурные ценности последующим цивилизациям. Следующий период мировой истории – «всемирная середина» – связан с появлением многочисленных восточных и западных цивилизаций, среди которых особое место занимают египетская, вавилонская, крито-эгейская, американская, западная. Каждая цивилизация является носителем особой духовной культуры, запечатлевающейся в сакральной символике. Духовная связь между цивилизациями придает смысл общечеловеческой истории, связывает ее воедино. Д.С. Мережковский пытается обнаружить базовый символ, через который возможно понимание единства и многообразия прошлых и настоящих цивилизаций. Таким общечеловеческим символом становится Крест, освещающий путь всего человечества. Движение от бессознательных форм религиозности к всемирным

христианским ценностям составляет сущность исторического процесса, соединяет цивилизации прошлого с настоящим и будущим. Вслед за вторым человечеством появится третье, в этот период будут воплощены истинные христианские ценности и будет раскрыта правда о Третьем Грядущем Завете.

И все же самой значительной работой периода эмиграции следует признать книгу Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» (1932). Опираясь на канонические и апокрифические тексты, русский философ пытается явить подлинный образ Спасителя. Философия истории русского автора рождается в плодотворном диалоге с западной философской традицией, в кругу его собеседников Ж. Ренан, Б. Паскаль, А. Бергсон, О. Вейнингер, но именно благодаря Мигелю де Унамуно она приобретает свою экзистенциальную направленность. Базовым понятием для католического мыслителя является термин «агония», который интерпретируется им не как состояние, предшествующее гибели, а как борение и становление Божественной личности. В рамках пограничной ситуации Спаситель борется со смертью и в борении (агонии) преодолевает ее, создавая условия для будущей жизни, «смертью смерть поправ». Д.С. Мережковский пытается перенести этот мистический опыт Христа на современное ему общество, полагая, что историю могут творить только личности, экзистенциально переживающие опыт «агонии». Среди исторических личностей внимание Д.С. Мережковского привлекает Жанна д'Арк, героиня одноименной статьи 1938 г. Святая, осужденная как ведьма и заживо сожженная на костре в 1431 г., ценой своей жизни спасла Францию, она в конечном итоге была канонизирована католической церковью в 1920 г. Простая деревенская девушка обладает чудесным даром убеждения в своей правоте, она знает события прошлого и может предвидеть будущее. Именно благодаря ей состоялась коронация Карла в освобожденном от англичан Реймсе, что имело огромное символическое и политическое значение и предопределило победу Франции в Столетней войне. Жанна в критической ситуации действует решительно и смело, ее ведут вперед Высшие силы, и даже смерть не пугает ее. Будущая святая повторяет путь страданий и смерти Христа, ее страсти подобны страстям Сына Божьего, поэтому она способна творить историю будущего. Она не оставлена Богом, связана с Ним особой духовной связью и в силу этого обстоятельства способна совершить историческое деяние. «Христианство было культом Богочеловека, который родился, страдал, агонизировал, умер и воскрес из мертвых, чтобы передать агонию верующим своим», — писал М. Унамуно [9, с. 316]. Эту агонию переживают все исторические герои Д.С. Мережковского, что позволяет им достичь духовного единения с Богом и творить всемирную историю.

Эволюция историософии Д.С. Мережковского шла параллельно с развитием его общефилософского мировоззрения. В начале творческой карьеры в 80-е гг. XIX в. русский автор увлекается позитивизмом Г. Спенсера и Н.К. Михайловского, разделяя их идеи об общественном прогрессе и его

личностном измерении. В конце XIX – начале XX столетия философия истории Мережковского основывается на идеях Ф. Ницше и Вл. Соловьёва. Опираясь на ницшеанскую концепцию о борьбе задающих многоцветие истории двух начал (языческого и христианского) в человеке и обществе, Д.С. Мережковский конструирует мировую историю, где особое место занимают исторические личности. Русский мыслитель позитивно оценивает революционные события 1905 г., полагая, что они связаны с религиозным действием и ведут к новой общественной формации – Богочеловечеству. Философию русской истории, проблему взаимосвязи России и Запада Д.С. Мережковский также рассматривает сквозь призму «обновленных религиозных ценностей», полагая, что на Западе сложилось «дисциплинарное общество», лишаящее человека возможности свободно и полноценно творить. Особую надежду русский философ возлагает на «религиозную общественность», зарождающуюся в недрах русской истории. В период эмиграции 1920–1941 гг. Д.С. Мережковский обращается к истории древних цивилизаций, пытаясь обнаружить провозвестия христианского вероучения, культурный символ будущего всемирного единения человечества. Его собеседниками в этот период становятся Ж. Ренан, Б. Паскаль, А. Бергсон, О. Вейнингер, М. Унамуно. Русский мыслитель предлагает экзистенциальное прочтение истории, в котором особая роль принадлежит историческим личностям, способным постигнуть мистический опыт Христа.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О русской философии: в 2 ч. Свердловск.: Изд-во Уральского университета, 1991.
2. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: начало XX века. М.: Мысль, 1980. 309 с.
3. Мережковский Д.С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. 352 с.
4. Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: в 4 т. М.: Книга, 1989.
5. Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. 272 с.
6. Мережковский Д.С. Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Прага: Пламя, 1924. 140 с.
7. Михайлова Е.Е., Бельчевичен С.П. Позитивизм и марксизм в России: проблема социокультурного развития. Тверь: МГЭИ (ТФ), 2012. 301 с.
8. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990.
9. Унамуно М. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1997. 416 с.

EVOLUTION OF THE HISTORIOSOPHICAL WORLDVIEW OF D.S. MEREZKOVSKY (1880-1941 YEARS)

I.A. Kazantseva, S.P. Belchevichen, I.I. Lysyuk

Tver State University, Tver

The evolution of D.S. Merezhkovsky's historiosophic worldview is closely connected with the formation of his religious and philosophical doctrine. Under the influence of F. Nietzsche's ideas in the early twentieth century, the Russian thinker developed the concept of the struggle between the pagan and Christian as the beginnings of world history and culture. At the same time Merezhkovsky's considers the problem of the relationship between Russia and the West. He believes that Europe has developed a 'disciplinary society' based on the ideas of pragmatism, which prevents people from realising their right to creativity and individuality. In this case, a special role is played by the Russian 'religious community', which is called upon to defeat the Coming Ham. During the period of emigration 1920-1941 Merezhkovsky searches for the origins of early Christianity in the history of ancient civilisations. Under the influence of Western tradition, Russian thinker offers an existential reading of world history.

Keywords: *Russian religious philosophy, historiosophy, Russia, the West, new religious consciousness, existentialism.*

Об авторах:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: irina10768@mail.ru

БЕЛЬЧЕВИЧЕН Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Belchevichen.SP@tversu.ru

ЛЫСЮК Ирина Игоревна – аспирант кафедры философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Lysyuk.II@tversu.ru

Authors information's:

KAZANTSEVA Irina Aleksandrovna – PhD (Philology), Professor at the Department journalism, advertising and public relations, Tver State University, Tver. E-mail: irina10768@mail.ru

BELCHEVICHEN Sergey Petrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department for Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: Belchevichen.SP@tversu.ru

LYSYUK Irina Igorevna – PhD student of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: Lysyuk.II@tversu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 25.10.2025.